

А. А. Селин (С.-Петербург)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ГРУППЫ НОВГОРОДА ВЕЛИКОГО И ПЛЕБИСИТ 1614 г.¹

Структура новгородского общества после включения города в состав Московского государства отличалась известной сложностью. Сегодня, вероятно, нельзя именовать отдельные страты этого общества сословиями даже к концу XVII в.

Элита города после выводов 1480–1490-х гг. состояла преимущественно из представителей московских переведенцев; Новгород, как известно, был той частью Московского государства, где впервые был произведен эксперимент по внедрению поместного землевладения²; с этой точки зрения Новгород стал формироваться как служилый город. В то же время, серьезные изменения должны были коснуться и структуры новгородского посада. По всей вероятности, трансформационные процессы здесь еще ждут своего исследователя.

Если говорить о Новгороде как служилом городе, то следует отметить серьезные трансформации в течение XVI в. С одной стороны, происходит новая организация города — деление на пятины, в соответствии с расположением поместий (видимо, в первой половине XVI в. существовало еще и деление по погостам), в то же время к концу столетия происходит разделение по статьям (как известно, этот процесс был характерен для большинства уездов). Специфика новгородского служилого города заключалась в существовании особых небольших групп, таких, как, к примеру, своеземцы — потомки землевладельцев эпохи независимости. В течение XVI в. часть из них влилась в состав городского дворянства, часть — в другие социальные группы — в состав двора новгородских архиереев, в среду сельских священнослужителей и иные. От-

¹ В данной работе использованы результаты проекта «История конструирования политического пространства и мобильности: политическое воображение, социальные практики и материальные инфраструктуры», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

² Сложность формирования поместного землевладения; постепенность возникновения статуса помещика, отличного от вотчинника: Бенцианов М. М. Дети боярские «наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV — середине XVI в. // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. Проблемы истории России. Вып. 3. С. 241–277.

дельную группу представляли собой своеземцы западных новгородских пригородов — Ивангорода, Яма, Копорья, Орешка, Корелы, у которых гораздо сильнее была связь с местными посадами.

Чрезвычайно заметной в Новгороде начала XVII в. была сложившаяся за годы московской власти большая группа новгородских подьячих и рассыльщиков. Мы уже отмечали, что с первой половины XVI в. в нее рекрутируются новгородцы по происхождению, материалы же начала XVII в. позволяют проследить конкретные источники происхождения новгородских приказных³. Сложно говорить о численности этой группы в начале XVI в. В 1610–1617 г. удалось насчитать в Новгороде более 250 дьяков, подьячих, рассыльщиков, писчиков. Не все они одновременно несли ежедневную приказную службу, но в своей совокупности составляли многообразную среду новгородского приказного люда.

С середины XVI в. в Новгороде возникает еще одна группа служилых людей — новгородские татары и новокрещены. Ее представители достаточно медленно смешивались с другими новгородцами. В какой-то мере, разумеется, это было связано с религиозными и языковыми особенностями названной группы, в какой-то — с их компактным расселением в волостях Новгородской земли (особенно крупные группы татар и новокрещенов образовались в Суглицкой и Удомельской волостях Бежецкой пятины)⁴. Разряд выделял татар и новокрещенов в особую группу новгородского служилого города: в 1606 г. они верстались в особую десятню, отдельно от других служилых людей, без указания пятины, где они были помещены. Несмотря на практику смешанных браков, вплоть до петровского времени они являлись (во всяком случае, для правительственной классификации служилого люда) особой группой служилого населения. Во многом это было связано с консервативностью учета в московских приказах: единожды зафиксированное явление должно было воспроизводиться в последующих документах. Так, в 1699 г. в Новгороде упомянуто не менее 83 новокрещенов (не считая поместных)⁵.

Особой группой были светские служащие Новгородского Софийского дома. Участвуя наравне с другими дворянами и детьми боярскими в политических событиях Смутного времени, они в массе своей мало бывали в Новгороде, находясь по большей части в своих поместьях, расположенных компактно на северо-востоке Новгородской земли, в районе рек Свири, Паши и Ояти. На всем протяжении новгородской истории группа софийских служителей была

³ Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 553–559.

⁴ Сходные выводы см.: Беляков А. В. Участие мещерских татар в Ливонской войне // Балтийский вопрос в конца XV — XVI в. Сб. н. ст. М., 2010. С. 227–238.

⁵ Обыскные книги (годовые сметные росписи) Новгорода, Ладоги, Порхова. 1698 // Архив СПбИИ, Кол. 115. Оп. 1, Д. 324. Л. 17 об.—19 об.

довольно многочисленной. Так, в 1725 г. в Новгородском архиерейском доме помимо духовных персон служило около 1233 соборян, приказных, стряпчих, комиссаров и дворян⁶. О компактном проживании этих людей в пределах рек Ояти и Паши писал в своем краеведческом очерке И. П. Мордвинов⁷. Их потомки, кстати, продолжали компактно проживать в Винницкой и Шимозерской волостях Лодейнопольского уезда до 1930-х гг.. Так о них писала этнограф З. Малиновская: «Внутри района, занимаемого вепсами, встречаются русские деревни. Крестьяне таких деревень являются обедневшими потомками русских мелкопоместных приютских дворян-помещиков. На 1910 г. вепсы Винницкой и Шимозерской волостей являлись бывшими государственными крестьянами, а вепсы Шапшинской волости бывшими помещичьими крестьянами»⁸. Не случайно, в документах эпохи Смуты упомянуто относительно малое количество этих людей. Впрочем, именно из их среды происходили видные новгородские и псковские деятели Семен Лутохин и братья Михаил и Лука Милославские. Если первые двое оказались на приказной службе и достигли виднейших постов⁹, то последний, участник новгородского посольства в Ярославль летом 1612 г., после Смуты оказался среди наиболее статусных служилых людей Шелонской пятины.

В начале XVII в. проявились новые факторы, влиявшие на социальную мобильность новгородцев. Престижность тех или иных видов службы колебалась в зависимости от политической ситуации. Имеются данные о стремлении части городского дворянства оказаться в составе приказной группировки. В 1612 г. местным подьячим Судного приказа стал Тимофей Федорович Одинцов, сын Федора Афанасьевича Одинцова, назначавшегося в начале XVII века на посты острожного головы и воеводы¹⁰. В подьячие и рассыльщики записалось несколько детей боярских Брянцевых. Однако после возвращения Новгоро-

⁶ Покровский И. М. Средства и штаты великорусских архиерейских домов со времени Петра I до учреждения духовных штатов в 1764 г. Казань, 1907. С. 122.

⁷ Мордвинов И. П. Старый Тихвин и Нагорное Обонежье. Тихвин; СПб., 1999. С. 15.

⁸ Малиновская З. П. Из материалов по этнографии вепсов // Западно-финский сборник (Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран). Л., 1930. С. 167.

⁹ С. М. Лутохин в 1610–1616 гг. — новгородский дьяк, возглавлял поочередно Новгородский дворец, Поместную избу, видимо, Большой приход, в 1619 — новоторжский воевода; М. И. Милославский в 1610 г. служил дьяком в Ивангороде, в 1612 — дьяком в Пскове, в 1620 — дьяком в Новгороде (подробнее см.: Селин А. А. Новгородские судьбы Смутного времени. В. Новгород, 2009).

¹⁰ Такая тенденция набора подьячих из низших рангов дворян и детей боярских была прослежена Н. Н. Оглоблиным довольно подробно в центральных уездах Московского государства в середине — второй половине XVII в. (Оглоблин Н. Н. Происхождение провинциальных подьячих в XVII веке // ЖМНП. Ч. 295. 1894. Октябрь. С. 219–227).

да под власть Москвы многие новгородцы, подвизавшиеся в 1611–1617 гг. на подьяческой службе, вновь верстаются поместьными и денежными окладами и возвращаются к службе военной¹¹.

Новгород не был закрытым городом: в нем в течение Смуты оказывались члены Государева двора, представители других городских корпораций. Кроме нескольких сотен детей боярских в состав служилого сословия в Новгороде начала XVII в. входили, как отмечено выше, крещеные и некрещеные татары, своеземцы, дети боярские новгородского владыки. Новейший исследователь Смуты И. О. Тюменцев утверждает, что именно служилая мелкота была важнейшей социальной базой самозванцев. Не располагая прочными связями в городе, представители этих категорий служилого люда чаще меняли политический лагерь. Не случайно, большинство способных к службе новгородских новокрещеных в 1609 г. поддержало тушинские отряды, подошедшие к Новгороду, а в 1616 г. присягнуло королю Густаву Адольфу. Именно представители новгородской служилой мелкоты, копорские и ямгородские своеземцы, татары и новокрещеные, были заметны среди сторонников самозванцев: они были и в тушинском полку Я. Заборовского, осаждавшем Новгород в 1608–1609 гг., и — в отрядах Псковского вора.

Если объем данных, говорящий о сложном составе служилых групп Новгорода Великого достаточно представительен, то гораздо меньше сведений имеется о новгородском посаде. Нельзя говорить о замкнутости тех или иных общностей новгородского посадского общества; не фиксируется в рассматриваемый период и противостояния этих групп. Имеющиеся данные свидетельствуют в пользу того, что посад, как и служилые корпорации, был открыт и пополнялся за счет пришлого населения. В 1613–1614 гг. в Новгород переселилось большое число старорущан, бежавших из разоряемого казаками А. Ф. Палицына города. Еще накануне Смуты в Новгороде осела (и играла заметную роль в жизни города) группа вяземских купцов. Род купцов Иголкиных, связанных на протяжении как минимум четырех поколений с Новгородом, вел происхождение из Пскова. Гость Юрий Иголкин переселился

¹¹ Григорий Постников сын Якимов в 1612–1616 гг. был рассыльщиком новгородского Поместного приказа. По верстанию 4 июля 1621 г. он — новик, верстаный в 1619/20 г. на 300 четвертей и 9 рублей с городом (Десятня денежной раздачи новгородцам Шелонской пятины кн. Д. И. Мезецким и дьяками М. Милославским и Д. Семеновым. 1621. 4.07 // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 131. Л. 68). Фаддей Федоров сын Змеев в 1612–1616 гг., как правило, выполнял службу пристава, по верстанию 4 июля 1621 г. он — новик, верстаный в 1619/20 г. на 250 четвертей и 8 рублей с городом (Там же. Л. 69 об.). Григорий Васильев сын Брянцов при шведах — рассыльщик Поместного приказа; по верстанию 4 июля 1621 г. он — новик, верстаный в 1619/20 г. на 250 четвертей и 8 рублей с городом (Там же). Его брат Мокей, служивший в 1611–1613 гг. кормовым сборщиком, в 1621 г. — городской сын боярский с окладом в 650 четвертей и денежным окладом 19 рублей из четверти (Там же. Л. 19).

в Новгород только около 1593 г.¹² Но источники ничего не сообщают о корпорации, к примеру, новгородских гостей. Встречаются скорее общности наподобие землячества — вязьмичи. Многочисленная новая группа вяземских торговых людей обосновалась в Новгороде незадолго до лета 1611 г. и принимала активное участие в жизни города в 1611–1617 гг. Трое новгородцев, имевших чин гостя, — Степан и Иван Иголкины, Истома Демидов — упомянуты на различных службах: первые двое — участники посольства в Выборг 1613 г., третий служил в дозорных комиссиях в 1611–1612 гг. Но в источниках они упоминаются наряду с другими представителями, как посада, так и служилого города.

После событий весны-лета 1611 г. социальная организация Новгорода носила в значительной степени неформальный характер и являла собой более широкий компромисс между воеводской властью и обществом, чем тот, что мы могли наблюдать в предшествующее время. «Новгородцы всем городом», т.е. собрание высших чинов, выборных магистратов и наиболее заметных служилых людей Новгорода в съезжей избе, видимо и определяли важнейшие политические события в городе, находясь на протяжении 1611–1617 гг. под разной степенью контроля шведской администрации. Какие же решения принимались этим собранием. Прежде всего, отправка посольств (начиная с 25 декабря 1611 г.) и наделение их полномочиями: в 1613 г. — посольство архимандрита Киприана в Выборг для встречи Карла Филиппа, в конце 1614 г. — посольство Киприана теперь уже в Москву с целью заключения мира.

Все органы власти, возникавшие в Смуту в различных областях Московского государства, в той или иной степени, копировали таковые, сложившиеся в Москве во второй половине XVI в. Функционирование земских институтов — таких, как пятиконецкие старосты — в течение всего периода 1611–1617 гг. было в большой степени сохранением выборных органов, прежде всего, в сфере фискальной ответственности. Занявшие в 1611 г. город шведы встретили такую систему давно и успешно функционирующей. Новая администрация использовала ее как удобный способ организации фиска и иных общественных повинностей. Так, институт пятиконецких старост сохранялся на протяжении 1611–1617 гг., даже после того как осенью 1614 г. режим уже-сточился.

В документах Новгородской приказной избы начала XVII в. сохранились наказная память и 11 актов, связанных с выборами на общегородские («муниципальные») должности в начале 7120 (1611/12) г.¹³ Вновь избранным пяти-

¹² Селин А. А. Семья новгородских купцов Иголкиных до Смуты, в Смуту и после нее // Торговля, купечество и таможенное дело в России XVI–XIX вв. Сб. материалов Второй междунар. науч. конф. Курск, 2009. С. 49–53/

¹³ Память новгородским пятиконецким старостам Калине Манатейнику и Афанасию Лисовику о выборе голов и роспись должностных лиц, которых следовало выбрать. 1611. 1.09 // Архив СПбИИ. Кол. 174. Оп. 2, Д. 524; акты: Там же. Д. 525–529,

конецким старостам Калине Манатейнику и Афанасию Лесовику следовало, по указанию новгородских властей (воеводы кн. И. Н. Большого Одоевского и дьяков Семена Лутохина и Андрея Лысцова)¹⁴, выбрать из гостей и из посадских людей голов и целовальников к таможенному сбору на денежный двор. В наказе формулярно оговаривалось, что «выбрати им в головы и в целовальники людей добрых и прожиточных и душами прямых, а ково имянем в головы и в целовальники выберут»¹⁵. В таблице 3 сведены все данные о занятии этих должностей новгородскими посадскими людьми (более поздние документы этого рода мне не известны).

Выборное начало при принятии решений в годы Смуты было наиболее заметно при назначении к посольской службе. Новгород в 1610–1615 гг. отправлял посольства к Сигизмунду III под Смоленск (ноябрь 1610 г.), к Карлу IX в Стокгольм (декабрь 1611 г.), к Совету всей земли в Ярославль (июнь 1611 г.), в Москву (октябрь 1613 и январь 1615 гг.). Представительство в этих миссиях формировалось следующим, характерным для Смутного времени, образом: «изо властей и изо всяких чинов человека по два и по три»¹⁶. Главами миссий всегда служили главы новгородских монастырей; в состав миссий входило два-три дворянина и представители новгородского посада. Нельзя считать номинальным главенство церковных иерархов: службы хутынского архимандрита Киприана в Выборге (1613 г.) и в Москве (1615 г.) хорошо известны¹⁷.

Ярким обстоятельством, отразившим степень участия новгородцев в судьбе, города была попытка Эверта Горна склонить Новгород к унии со Швецией. Шведам нужна была легитимация унии с Новгородом, прямое насилие не могло

531–536. Кроме того, сохранился акт о выборе целовальников к новгородскому винному погребу от 8 августа 1611 г., составленный, соответственно при службе прежних пятиконецких старост Степана Хамтолина и Ивана Козынина (Выбор пятиконецкими старостами четырех целовальников к новгородскому винному погребу. 1611. 8.08 // Архив СПбИИ, Кол. 174. Оп. 2, Д. 523). Весь этот комплекс документов сохранился в той части актов Новгородской приказной избы начала XVII в., которую в 1830-е гг. вывез из Стокгольма С. В. Соловьев (подробнее см.: Коваленко Г. М. Архивные изыскания С. В. Соловьева в Швеции // Скандинавский сборник. Т. 32. 1988. С. 179–183).

¹⁴ Примечательно, что среди властей в документе, составленном 1 сентября 1611 г., не упомянут никто из шведской администрации.

¹⁵ Память новгородским пятиконецким старостам Калине Манатейнику и Афанасию Лесовику о выборе голов и роспись должностных лиц, которых следовало выбрать. 1611. 1.09 // Архив СПбИИ. Кол. 174. Оп. 2, Д. 524.

¹⁶ Грамоты 1) новгородского митрополита Исидора, 2) новгородского воеводы кн. И. Н. Большого Одоевского и 3) Я. Делагарди в Ярославль кн. Д. М. Пожарскому с «товарищами» о приеме ярославского посольства С. Л. Татищева и о скорой отправке посольства в Ярославль от 19.05.1612 (список без начала) см.: Архив СПбИИ Кол. 174. Оп. 2, Д. 548 и 549.

¹⁷ Селин А. А. Что говорил архимандрит Киприан в Выборге в 1613 г. // Мининские чтения 2011. Н. Новгород, 2011. С. 86–97.

быть определяющим фактором в это время. Это и стало содержанием идеологической борьбы за новгородцев, которую выиграла в конечном итоге Москва.

Весь 1614 год, сопровождавшийся военным столкновением с московской ратью под Бронницами, шведские власти вели переговоры с новгородцами о присяге/неприсяге королю, завершившиеся плебисцитом. Эти переговоры сопровождались широкой агитацией среди самых разных слоев горожан. В августе 1614 года пятиконецкие старосты должны были провести опрос новгородцев об их согласии присягнуть Густаву Адольфу или верности прежней присяге Карлу Филиппу. После опроса была составлена коллективная челобитная новгородцев королю с просьбой отложить решение до Пасхи 1615 г. Среди подписавших челобитную были представители всех страт новгородского общества. Результатом ее стало ужесточение власти шведов после окончательного отказа значительной части горожан, включая высших чинов администрации и многих известных служилых людей, присягнуть Густаву Адольфу.

Это повлекло за собой прямое насилие со стороны шведской военной власти по отношению к отказавшимся от присяги. Сложная политическая ситуация, сложившаяся в Новгороде Великом после срыва присяги всего города королю Густаву Адольфу, инициированной Э. Горном, создала атмосферу страха, волнения и ожиданий во всех слоях уже немногочисленного новгородского общества. Но, несмотря на общее ожесточение в Новгороде, несомненно, присутствовавшее во все годы Смуты и никуда не исчезнувшее при шведской администрации, мне известно лишь об одной публичной казни в Новгороде в годы новгородско-шведского альянса. Казнен был пятиконецкий староста Андрей Ременников. Он стал своего рода «козлом отпущения» за всех новгородцев, так или иначе вступивших в контакт с Москвой во время Дедеринских переговоров. Среди вступивших в контакт были не только открыто перешедшие на сторону Москвы У. Лупандин, Я. Боборыкин, Ф. Витовтов, но и многие из тех, кто сохранил высокое положение в Новгороде вплоть до февраля 1617 г., такие как подьячий Григорий Собакин или кн. И. А. Мещерский. Однако лишь староста Ременников был казнен в середине июля 1616 г.: «а новгородского пятиконецкого старосту Андрея Ременникова казнили тому недели с две, отсеки де голову, а тело покинули, а голову взакинули на кол, за то: как были государевы послы на Песках с свейскими послы на съезде, и он тогда государю служил и к государевым послом на Пески (ездил)»¹⁸.

Именно новгородцы, отказавшиеся присягать королю, несли на себе весь фискальный груз, вне зависимости от чина. Здесь и проявляются особенности группировки страт новгородского общества в 1611–1617 гг.: среди обло-

¹⁸ Расспросные речи лазутчика новгородца Родки-Нехорошки Григорьева перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 1616. 28.07 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 8. Л. 297–299, 303, 300, 301, 304, 302, 305, 306 (листы перепутаны).

женных чрезвычайным налогом — Софийский дом, новгородские гости, дьяки Семен Лутохин и Пятой Григорьев, дворяне и дети боярские, церковники, посадские люди, а также представители тех групп, которые вошли в состав посада в 1611–1614 гг. Впрочем, последние были и среди тех, кто в эти годы колебался, какую сторону принять. Эти колебания для многих продолжались вплоть до февраля 1617 г. Позднейшие нарративные памятники, в первую очередь Новый летописец, рисовали сусальную картину: большинство новгородцев, отказавшись от присяги, обрекли себя, вместе с «богомольцем Исидором» (вариант: «богомольцем Киприаном») на страдания, храня верность царю Михаилу Федоровичу, лишь меньшая часть новгородцев, не устояв перед лишениями, пошла на присягу королю Густаву Адольфу. Эти, часто и не случайно неназываемые по имени, малодушные изменники, позднее встали на путь предательства и остались за границей.

Однако ситуация была сложнее. Решение о том, чтобы остаться в шведском подданстве большинством новгородцев, вероятно, принималось в самый последний момент, часто вследствие прямого насилия или шантажа со стороны деятелей последних шведских оккупационных властей. Мне уже приходилось подробно рассматривать вопрос о том, кто из новгородских служилых людей персонально присягнул Густаву Адольфу в 1615 г. Многие из них позже оказались на царской службе, занимая видные посты. По всей вероятности, для значительной части новгородцев, использовавших в свою пользу особую политическую ситуацию 1611–1617 гг., временем окончательного выбора стал 1617 г.: как для самых известных «иммигрантов» — Тимофея Хахина, Томилы Пристальцова, Семена Игумнова, так и для наиболее известных из оставшихся на московской стороне — Богдана Шорина, Ануфрия Вязьмитина, вероятно, Первого Прокофьева.

Можно говорить и о том, что в последние месяцы жизни под шведской властью новгородское общество старалось принимать решения именно «всем городом». Это началось еще с тайной переписки новгородцев с московскими воеводами в начале 1614 г., продолжалось при ужесточении шведского режима в Новгороде, а последними аккордами этой практики стали грамоты новгородцев в Столбово к московским послам уже в январе 1617 г.

Возвращение Новгорода под власть московских царей показало, что годы Смуты не прошли даром для новгородцев. Опыт самостоятельной политической жизни сохранялся в широких слоях жителей города и связанных с ним служилых людей. С. В. Бахрушин отмечал низкий авторитет первых Романовых в Московском государстве в 1620–1630-х гг.¹⁹

¹⁹ Бахрушин С. В. Политические толки в царствование Михаила Федоровича // Бахрушин С. В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 87–118.

Связь между общественной жизнью в Новгороде в 1611–1617 гг. и «новгородскими традициями эпохи независимости», часто декларируемая в научно-популярных исследованиях, не прослеживается (равно как и, к примеру, связь между «традициями независимости» Пскова и Псковским восстанием 1650 г.). При этом нельзя отрицать присутствия в способе диалога шведской власти и новгородского общества 1614 г. опоры на «старину»; однако «старина» эта имеет корни в XVI в.

Таблица 1

Чрезвычайные платежи новгородцев в марте 1613 г. и в 1615/16 г.

Плательщик	сумма, уплаченная в марте 1613 г.	сумма, уплаченная в 1615/16 г.
Митрополит и монастыри	350р.	650р.
Новгородский посад	350р.	не упомянут
Дворяне, подьячие и рассыльщики, «которые за государевым делом не ходят»	150р.	не упомянут
Тимофей Хахин, переводчик, торговый человек	25р.	100р.
Гость Истома Демидов	22р.	100р.
Гость Первой Прокофьев	20р.	100р.
Ануфрий Дьяконов, вяземский купец	15р.	100р.
Степан Спячий, митрополичий дяк	15р.	100р.
Богдан Шорин, вяземский купец	15р.	100р.

Источники: Роспись сбора кормовых денег ратным людям. 1613. 20.03 // RA, NOA/Serie 2:140. Л. 1 об.; Роспись денежных доходов с Новгородского посада. 1615/16 // RA, NOA. Serie 2:357. Л. 15–16.

Таблица 2

Роспись денежных платежей каждые 10 дней с Новгорода по известиям
от подьячего Третьяка Никитина по «уложению» от 20 марта 1616 г.

Плательщики	Сумма, руб.
митрополит, монастыри, попы, дьячки, пономари	350
посадские люди	350
дворяне, дети боярские, рассыльщики, подьячие, кроме тех, кто целовал крест Густаву Адольфу	150
митрополичий приказной Иван Лутохин	15
митрополичий приказной Степан Спячий	15
судья Василий Зиновьев	10
гость Истома Демидов	25
гость Первой Прокофьев	(пропуск)
торговые люди, которые тягло не тянут:	
Тимоха Хахин	25
Богдан Шорин	15
Онуфрий Вязмитин	15
славковский дьячок Сенька	10
Итого	980

Источник: Расспросные речи подьячего Третьяка Никитина о новгородских вестях. 1616. 3.06 // РГАДА. Ф. 96. 1616. Д. 7. Л. 45–50.

Таблица 3

Общегородские выборные должности Новгорода в 7120 (1611/12) г.

Место службы	Головы и старосты	Целовальники
Денежный двор	Голова из гостиной сотни и голова из посадских людей	8
Таможенная изба	Голова из гостиной сотни и голова из посадских людей	5
Таможня на Свинорте	—	1
Сбор замытной пошлины	—	2
Сбор померной и покоренной пошлины	—	5
Сбор явчей пошлины	—	3
Сбор весчей, поворотной и ам- барной пошлины	—	4
Кабак на Софийской стороне	—	4 + дьячок
Кабак на Торговой стороне	2	4 + дьячок
Провес хлебов и калачей	—	2
Судная изба	Староста из гостиной сотни	1
Судные дела на митрополичьем дворе	—	2 + дьячок
Крестное целованье	—	1
Винокурение в дворцовых селах	—	4
Баня	—	4
Сбор побережной пошлины у Ильменя	—	2
Сбор пошлин у мельниц с хлеб- ной молотбы и рыбной ловли	1	3
Винный погреб	—	4 + дьячок

Источник: Память новгородским пятиконецким старостам Калине Манатейнику и Афанасию Лисовику о выборе голов и роспись должностных лиц, которых следовало выбрать. 1611. 1.09 // СПбИИ. Кол. 174. Оп. 2. Д. 524.

